

Где казак - там и слава!

Жил-был и в казачьем войске служил молодой казак Афоня. Каждую ночь, он склад сторожил, набитый старым обмундированием на крайний случай. Служба была нетрудной, да для Афони очень нудной. Не любил он сидеть на месте, терпения не было часы проводить на посту. Парень смекалистый, и придумал вместо себя на пост чучело ставить. «Кому нужно это старое тряпье?», - успокаивал он себя.

И вот в очередной раз, оставив чучело, идет, радуется, не может чистым родным воздухом надышаться, каждый цветок, каждая травинка ему знакома. Его переполняет магия любовь к месту, где прошло его детство. Он помнит, как на этой улице гулял с друзьями, как здесь же ссорился с ними и здесь же мирился. Плетни, дома, деревья, папахи, порхающие птахи – все здесь ему знакомо, запали в душу родные пейзажи. И тут опомнился: «Стоп, мне показалось или... папахи! Это же казаки, патруль!». Он бросился назад, ну а за ним пара суровых мужчин с нагайками.

«Бежать скорее надо мне!», - мелькнула мысль в голове.

Его почти нагнали, но Афоня ловко через забор перепорхнул и в ближайший лес рванул, что было сил, а их у него было много. Преследователи отстали. В лесу его встретили разбойники, накинулись, но по выучке выучке, раскидал Афоня их в разные стороны, не моргнув. Разбойнички сразу охладили пыл. Вышел главный и сладким голосом заговорил:

- Ну, здравствуй, казак, я вижу, ты силен весьма, не с ближней ли ты станицы?

- Зачем на меня накинулись!?!- со злостью спросил Афоня.

- А мы это... тебя приняли за басурмана! – главарь явно нервничал.

- А... Раз так, то да – я из станицы убежал,- сказал Афоня, почесав за затылком.

- Да нам как раз нужен добрый молодец как ты, - разбойник улыбнулся, блеснув золотыми зубами.

- Простите за то, что побил вас. Вы не такие плохие, как говорил атаман, - с виной ответил казак.

- Пошли с нами. У нас в лагере нет раннего подъема, плетей вообще нет, – продолжал перечислять разбойник, - еды горы, гуляй, сколько хочешь.

- Я даже не знаю, мне все равно некуда идти... пошли! - согласился Афоня.

«Утро вечера мудренее, переночую там, а утром решу, как быть», - решил он.

В лагере разбойники сразу же за еду принялись, наелись до отвала и Афоне много перепало. «А тут не так уж плохо», - подумал было он. Но вот лихоимцы начали

рассказывать, хвастаться своими подвигами. Да дела у них оказались настолько гадкие и подлые, что решил Афона утром уйти от них, как только представится возможность.

Но рано утром, окружили лагерь стрельцы и мигом разгромили хвастунов-разбойников. Пришлось Афоне бежать куда глаза глядят, чтобы не попасть под суд вместе с бандитами. Шел по лесам и полям немало, да, наконец, в степи на берегу большой реки увидел стоянку заморских купцов. Купцы ласково встретили измученного голодом казака, накормили, предложили сладкий кофе. Афоня отведал его и был в восторге, потом финиками его угостили досыта. Рассказали о чудесной земле на Востоке. Прельщенный невиданными сладостями и чудесными рассказами Афоня уже мечтал пожить в далекой сказочной стране. А иноземы были только рады. Погрузились они и отправились в путь большим караваном.

Шли долго да неспешно. Но вот, наконец, предстал перед ними город в пестром одеянии. Бесчисленное количество людей жило здесь. Огромные златоверхие дворцы украшали пейзаж. Повсюду бурная торговля, крики продавцов, шум гам, все куда-то спешат. В воздухе витает аромат кофе, фиников, рубиновых гранатов, солнечных мандаринов и множества других чудесных яств. Всего настолько много, что голова кругом пошла у Афони.

Остановились они на огромной площади напротив дома каменного, а в доме стол накрыт. Утомившийся в долгом пути Афоня побрел туда, как мотылек на свечку. Но как только он зашел, дверь захлопнулась за его спиной. Стало стыдно казаку, что его так легко в клетку заманили, вскипела кровь. Отвага, праведная злость и обида помогли ему выбраться из ловушки, не по зубам такой хлипкой двери казак оказался.

Выбежал Афоня, а турки толпой побежали за ним. Кричали что-то на своем языке, улюлюкали. Афоня выбежал на набережную, а толпа за ним. От причала отходил иностранный пароход – последний шанс казака. Он пустился, что было мочи. Толпа отстала, а он запрыгнул на пароход, который уже выходил в большое море.

Моряки из Европы по-доброму встретили беглеца, Нашли место для ночлега, кормили, поили. А за это Афоня каждый день до блеска надраивал палубу. Так он плыли десять дней и ночей. Наконец увидел Афоня прекрасный город, камнем построенный. Многоэтажные дома окружали церкви, чьи шпили пронзали небосвод. Ходили люди здесь аккуратные и разодетые.

Вышел казак на площадь и растерялся, казалось, город бесконечен. Однако любопытством охваченный пошел он гулять по нему. Прохожие тут и там озирались на него. Не думал он, что нагуляется, но усталость взяла верх.

Упал он на лавку обессиленный. Уже в полудреме услышал он вдруг русскую речь:

- Земляк? – спросил его аккуратный мужчина.
- Да – пробубнил Афоня.
- Ох, давно же родной речи я не слышал! Думал, уже позабыл ее! Пошли!
- Куда это? – удивился казак.
- Я тебя пристрою к другу своему, ему как раз нужен крепкий молодец вроде тебя.
- Но я же не знаю язык!
- Тебе он не потребуется.

Ошеломленный такой неожиданной встречей Афоня встал и побрел за незнакомцем. Пришли они, наконец, к большому дому с крепкой дубовой дверью. Открыл ее крепкий мужчина. Обсудили они что-то на языке чуждом, да и завели казака в дом.

- Садись, – дружелюбно сказал неизвестный, указывая на стул, – это Рено, он тебе даст кров и работу. На русском не говорит, но жестами объяснить умеет. Осваивайся тут пока, а мы поболтаем с ним.

Начали оживленно что-то обсуждать они, а Афоня лишь растерянно рассматривал Рено. На злодея, тот не был похож. Договорили они вскоре, встали, попрощались. Мелькнуло имя Иван, так, наверное, и зовут незнакомца.

Так и пошла дальше жизнь спокойно. Работал казак на совесть, да получал исправно оплату. Приходил иногда Иван, но Афоне не давали слушать разговоров. Однажды зайдя попить воды, услышал он слово знакомое, хоть и звучащее чуждо.

- Вы сказали «Россия»? – резко выпалил казак.

Рено хотел продолжить разговор, но Иван прошипел ему что-то, прямо как змей. Растерялись они, не знали, как молодцу ответить. Наконец, выдохнул Иван и начал говорить:

- Война будет... с Россией... Но ты не бойся, тебя мы трогать не будем, ты свой уже. Жить будешь как раньше, даже лучше!

И тут Афоня вспомнил, как грузил в порту огромные пушки и ядра к ним. Так вот куда это все пойдет. Встали перед глазами лица родных и друзей. Огромная беда нависла над ними. Надо срочно предупредить своих, огромная тревога жгла сердце казака.

Сорок дней и ночей бежал он, пробирался, через вражеские кордоны. Падал от усталости и боли, но любовь к Родине была сильнее. Горячая казачья кровь кипела в нем.

Когда увидел вновь знакомые плетни, сердце замирало. Казалось, что и не было никакой Турции, никакой Европы, будто он лишь сходил на прогулку и вернулся. Понесся он со всех оставшихся сил к дому атамана, и, не стучась, вбежал туда. Сидевший за столом атаман даже потерял дар речи, когда Афоня взмолился:

- Порите меня, братцы, делайте что хотите, но выслушайте. Рать собирается огромная!
- С чего мне тебе верить? – наконец сурово произнес атаман
- Вот! – протянул иноземную газету Афоня, – Здесь должно быть написано!

Атаман взял газету, повертел, но все же начал читать на ломаном иностранном. Наконец проговорил он на русском все это.

- «Приготовления к войне идут полным ходом. Сокрушим мы русских в мгновение и всех в рабство! Будем жить, как никогда раньше!» - сделал паузу, – обещает им какой-то генерал. Не дам я Русь в обиду им!

Атаман встал, схватил саблю и поскакал. Афоня побежал за ним. Когда он добрался до лагеря, атаман уже собирал казаков идти в бой.

- Афоня? Зачем ты пришел? – спросил он, когда обернулся.
- Я хочу пойти в бой с вами!
- Уверен? Это же опасно! Тебя могут убить! Не боишься ли ты?
- Нет! Я хочу смыть позор кровью! Я понял, что Родина у нас одна, и нет ничего почетнее, чем проливать кровь за нее!
- Собирайся!

Собрались они, да поскакали в бой на конях.

Встретились с ратью и рубили их три дня и три ночи, не жалея себя. Да погнали их восвояси!

Простили казака, да наградили за доблесть. И долго вспоминал атаман его слова, они были правильными...

«Родина у нас одна, и нет ничего почетнее, чем проливать кровь за нее!»

Даниил Лапшин, студия «Юный журналист».